

к органическому миропониманию с его принципом синергизма. Это предполагает формирование органического видения человека и мира как единого гармонического целого. В качестве важнейшей предпосылки формирования нового мировоззрения следует рассматривать русскую культуру с ее органистическими тенденциями. И здесь в первую очередь нужно обратиться к славянофилам и почвенникам, которые приняли активное участие в формировании органического мировоззрения своего времени.

Список литературы:

1. Архив Л.Н.Толстого. Переписка... – М., 1914.
2. Грот Н. Памяти Н.Н. Страхова. – М., 1896.
3. Левицкий С. Н.Н. Страхов (Очерк его философского пути) // Новый журнал. – 1958. – №54.
4. Мальчевский Н. (Ильин Н.) Предисловие // Аскольдов С.А. Алексей Александрович Козлов. – СПб., 1997.
5. Страхов Н. Мир как целое. СПб., 1872. С.71.
6. Страхов Н. О вечных истинах. – СПб., 1887.
7. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. – СПб., 1887. – Кн. 1.
8. Страхов Н.Н. Воспоминания и отрывки. – СПб., 1892.
9. Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М., 1990

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социальных технологий БелГУ
(грант РГНФ № 06-03-55310а/ц)

Социализация региональной молодежи в «эпоху смуты» и перспективы ее интерпретации в социологии

Особенностью развития молодежи в современном российском обществе является превращение феномена отклоняющейся социализации из нетипичного и локального, что характерно для большинства исторических периодов, в массовый и, фактически, нормативный. При этом речь идет, прежде всего, об отклонениях (девиациях) «со знаком минус», то есть – о девиациях, носящих асоциальный характер. Они выражаются в несоблюдении правовых и нравственных норм, в отказе от традиционных ценностей, которые обычно относят к числу так называемых «общечеловеческих». Масштабность распространения различных форм девиантного поведения шокирующим образом действует на массовое сознание, приводит в замешательство представителей власти и – вполне естественно – побуждает исследователей к анализу причин данного явления. Различные формы отклоняющейся социализации молодежи особенно заметны в «провинциальных» (удаленных от столиц и крупных промышленных центров) регионах, возможно, потому, что именно здесь наиболее остро проявляются противоречия социального развития

молодежи, выражающиеся в имущественной дифференциации, в невозможности удовлетворить потребности в качественном и доступном образовании. Кроме того, молодежь в «провинциальных» регионах «ближе» к основным социальным институтам и постоянно находится в фокусе общественного мнения.

Российская социология молодежи, несмотря на известный дефицит новых концептуальных разработок, довольно последовательно пытается осмыслить процессы в молодежной среде, обычно используя при этом теоретические конструкции, разработанные в рамках западной традиции. Но, оказываясь удачными при объяснении частных аспектов социализации молодежи, эти концепты не дают удовлетворительного объяснения сущности явления в целом. И, тем более, не способны прогнозировать эволюцию форм девиаций в молодежной среде на отдаленное будущее.

По нашему мнению, назрела потребность не просто совершенствования технологий получения эмпирического социологического материала, но и обновления парадигм теоретических исследований в сфере ювенологии. В силу данного обстоятельства вопрос о перспективах социологии молодежи вырастает в его отдельных аспектах до вопроса о перспективах российской социологии в целом. Не претендуя на его всесторонний анализ, который требует специального обсуждения, базирующегося на полных и верифицируемых данных, попытаемся акцентировать внимание на некоторых, на наш взгляд, довольно бесспорных моментах.

Российское общество сегодня представляет собой специфический вариант общества всеобщего риска. Изучая его, специалисты уделяют внимание преимущественно социально-экономическим, политическим и техногенным аспектам риска. Но нельзя упускать из внимания духовный аспект утверждения общества риска. Он связан с очередным кризисом рациональности и формированием иррациональной и алогичной по своему содержанию социокультурной среды, в условиях которой крайне трудно анализировать и прогнозировать перспективу социального развития, опираясь на логику научного познания. В силу комплекса причин эта среда затронула в первую очередь молодежь. И причины эти кроются как в статусе молодежи как специфической социально-демографической группы, так и в отношении к молодому поколению со стороны государства, представленного квазиэлитой, поведение которой характеризуется крайне выраженным эгоизмом, нежеланием делиться хотя бы частью контролируемых ресурсов. Этот эгоизм имел место всегда, но существенно усилился в последнее время в связи с массовым притоком в административно-управленческую элиту еврейских маргиналов. Их крайний эгоизм усиливает социальное напряжение в обществе, предопределяет не просто критическое, но враждебное отношение населения к большинству управленческих инициатив. Не случайно (и весьма дальновидно) писатель

Э.Тополь призывал в свое время олигархов (то есть людей, чьи технологические схемы оказались эффективными и принесли им благосостояние) делиться, иначе последствия могут быть для них крайне опасными.

Молодежь маргинальна в любом обществе, и уже в силу этого она является питательной средой для девиаций. Но в современной России ее статус определяет не просто маргинальность, но искусственное социальное аутсайдерство, вследствие которого молодые люди оказываются в изначально невыгодном положении по сравнению с более старшими поколениями. Они (за редкими исключениями) лишены доступа к необходимым для обеспечения жизненного успеха ресурсам. При этом власти в основу своей социальной стратегии кладут принцип олигархически-геронтологической политики, сокращая и без этого шансы молодежи на успех.

Несомненно, современная молодежь лучше и быстрее, чем представители старшего возраста, адаптируется к ситуации. Это подтверждается многочисленными исследованиями. В частности, социологический опрос, проведенный кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета в августе - сентябре 2006 года (N = 3000 респондентов) выявил, что среди молодых людей до 29 лет 9.13% респондентов в полной мере удовлетворены своей жизнью; 53.02% - в основном; не удовлетворены – 24.15%. В то же время в категории 50 - 59 лет эти показатели соответственно составили: 6.59%; 50.99% и 30.33%. Но степень адаптированности молодежи лишь немногим выше, чем в старших возрастных группах. Кроме того, адаптация молодых людей нередко достигается путем использования социально не одобряемых технологий самоутверждения.

В целом же региональная молодежь, как представители других социально-демографических групп, постоянно живет в состоянии неустойчивости, нестабильности своего повседневного бытия, имеет ограниченные шансы на жизненный успех.

Ситуация обостряется тем, что в сущности, мы имеем дело с новым изданием смутного времени, которое может быть определено как специфическое российское явление. Вероятно, русская смута имеет свои аналоги в истории иных культур и цивилизаций, которые еще требуют установления. Но социальная наука не может успешно развиваться без качественного анализа данного состояния, а также без определения возможностей науки, прежде всего, социологии управления для интерпретации событийных рядов, определяющих развитие современности.

Смута не сводится только к социальному кризису. Вряд ли допустимо ограничить представление о ней и как о тупике социального развития. Это крайне сложное понятие должно быть легитимировано социальной наукой и раскрыто через комплекс дефиниций, характеризующих не столько состояние областей общественной жизни, но, прежде всего, состояние умов. Для

характеристики смуты В. Даль использует такие термины как тревога, переполох, возмущение, восстание, мятеж, крамола, общее неповиновение, раздор меж народом и властью, замешательство, неурядица, беспорядок, расстройство дел.

Наиболее близким описанием состояния смуты в социологии, очевидно, является теория социальной аномии Р. Мертона. Однако отечественная смута в ее любом издании представляет собой более глобальное и разноплановое явление. Она проявляется, прежде всего, в состоянии общественного сознания в виде комплекса явлений. Наиболее типичным из них является иррационализм действий и поступков.

Иррациональное поведение в широком смысле – это поведение, не основывающееся на учете возможных потерь и выгод, на анализе следствий. Такая редуцированная иррациональность в значительной мере легитимирована отечественной, в основе своей русской, православно-христианской социокультурной традицией. Иррациональный подход к выработке и реализации жизненной стратегии большинством населения стал одним из формирующих русскую культуру факторов. Иррациональное начало в самоорганизации жизни получило обоснование в отечественной социально-философской традиции, восходящей еще к «Слову о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, противопоставившего формально-рациональный закон идее Божественной благодати, источником которой является интуитивное озарение и откровение.

Но для современной социокультурной реальности типична не редуцированная, а своего рода «абсолютная» иррациональность, враждебная разуму, опирающаяся на инстинкты и практикующая произвол как единственно возможный способ отношения к окружающему миру. Она в данном случае «выступает в формах инстинктов, подсознательных влечений, агрессивного поведения, психологических, эмоциональных проявлений» [7. С. 10]. Все эти явления не просто типичны для молодежи, но все чаще приобретают характер имманентных черт ее жизненной стратегии. И заблуждаются те, кто рассматривает подобные проявления как нечто эпизодическое в молодежном социальном поведении.

Традиционный иррациональный подход к действительности не исключал существования комплекса нарративных твердо установленных поведенческих правил, которые фиксируются научным исследованием. Эти правила восходят к базисным ценностям культуры, до настоящего времени представлявшим некую систему. Проблема сегодняшнего дня заключается в ее разрушении, в приведении в неустойчивое состояние. Характерной особенностью молодежного сознания является явное (открытое) или неявное (скрытое) отрицание необходимости следовать любым социальным нормам.

Неустойчивость, выступающая, наряду с иррационализмом, еще одной важной характеристикой российской смуты, не просто фраза, но принципиальная характеристика, относящаяся не только к социальным отношениям, но именно к ценностному миру, который максимально неупорядочен. В современных российских реалиях терминальные ценности, представляющие собой соглашение между людьми относительно целей, к которым следует стремиться, в лучшем случае подменяются инструментальными ценностями, то есть гипертрофированной значимостью средств достижения целей. При этом в молодежном сознании (и не только в нем) цель обычно рассматривается в ее индивидуальном или корпоративном значении. Ценностные паттерны, которые формировались в течение нескольких поколений, как правило, распадаются или редуцируются до минимального уровня. Значение приобретает только то, что в данный момент выгодно узким группировкам, объединенным прагматическими интересами.

К типичным характеристикам общества в эпоху «смуты» относятся: дискредитация общественно значимых, консолидирующих идей, ориентация, практически, каждой статусной группы на свою «особую правду»; аномальная композиция индивидуального и общественного сознания, в котором одновременно представлены и уживаются противоположные по своей направленности установки, ориентации и идеи, определяющие «парадоксального человека» [9. С. 4]; социальное дезертирство; алогичность социального мышления, доводимая в своих крайних формах до легитимации абсурда; тотальная негативная саморефлексия и самооценка, проявляющаяся в типично мазохистском унижении собственной истории, культуры, в отрицании социальной перспективы; пониженная реакция на внешние факторы, в том числе и на те, что непосредственно влияют на качество жизни, массовая общественная апатия и равнодушие; идеологическая виктимность, выражающаяся в потенциальной готовности стать жертвой обмана, объектом беззастенчивого манипулирования сознанием.

В этом перечне особенно примечательным является феномен социального дезертирства, который следует считать типичным для молодежи региона. Он пока еще ждет своего исследователя, хотя ряд интересных суждений по поводу данного явления уже сделан некоторыми авторами. В частности, А.С.Панарин рассматривал дезертирство как архетип социальных революций [5. С. 88]. Однако с не меньшим основанием дезертирство следует считать архетипом российских смутных эпох. Характерно в данной связи свидетельство Н.М. Карамзина об особенностях первой смуты в России начала XVII века: «Все ослабело: благоговение в сану царскому. Уважение к Синклиту и духовенству. Блеск Василиевой (имеется в виду Василий Шуйский – авт.) великодушной твердости затмевался в глазах страждущей России его несчастьем, которое ставили ему в вину и в обман: ибо сей властолюбец,

принимая скипетр, обещал благоденствие Государству. Видели ревностную мольбу Василиеву в храмах; но Бог не внимал ей – и царь злосчастный казался народу царем неблагословенным, отверженным. Духовенство славilo высокую добродетель венценосца, и бояре еще изъявляли к нему усердие; но москвитяне помнили, что духовенство славilo и кляло Годунова и кляло Отрепьева; что бояре изъявили усердие к Разстриге накануне его убиения. В смятении мыслей и чувств, добрые скорбели, слабые недоумевали, злые действовали ... и гнусные измены продолжались» [Цит. по: 4. С. 342 - 343].

Сегодня социальное дезертирство молодежи представляет собой жизненную стратегию и практику, в основе которой лежит отказ от участия в решении общественных дел, от выполнения обязанностей, от принятия ответственности на себя. Дезертирство, в конечном счете, оборачивается крайним индивидуализмом и гедонизмом. Примечательно, что стратегия социального дезертирства подкрепляется «эшелонированной» аргументацией в молодежном сознании и, кроме того, всячески оправдывается идолами общественного мнения, главным образом - массовой культуры. Напротив, идея социальной ответственности трактуется как неактуальная и даже вредная.

В сложившихся условиях социализация все чаще понимается как адаптация к ситуации, а «социализованный» молодой человек рассматривается как человек, способный ориентироваться к динамично меняющейся социальной среде, умеющий извлекать выгоду из любого положения. Эта точка зрения становится не только общепринятой на уровне обыденного сознания, но и проникает в общественные науки, которые приобретают новые и, порой, не типичные характеристики в «смутную» эпоху.

Ситуация распада ценностных паттерн среди прочих следствий имеет резкое снижение возможностей социальных наук, в том числе, а, возможно, в первую очередь - социологии при исследовании широкого круга объектов. Эмпирические социологические исследования, казалось бы, проведенные по репрезентативной методике, все реже адекватные представления о ситуации в молодежной среде.

Распространение установки на интуитивные решения, которая легитимируется молодежным сознанием и не противоречит общественному мнению, с неизбежностью придает процессу социологических изысканий фрагментарный характер. Полученные выводы требуют постоянной проверки и корректировки, что вполне естественно и представляет собой необходимую процедуру социологических измерений. Но даже и в этом случае они не гарантируют точности эмпирических данных, без которой приобретают вероятностный характер многие теоретические положения. На наш взгляд, уже одно это обстоятельство служит серьезной предпосылкой ограничения возможностей традиционной социологии молодежи. Вероятно, сформулированный нами вывод может быть распространен на всю российскую

социологию. Но, поскольку в данной статье исследуются проблемы социологии молодежи, мы не склонны делать вероятностные заключения глобального характера.

Ограниченность социологических возможностей не означает отказа от применения социологических методов для анализа процесса государственного и муниципального управления в эпоху смутного времени. Она лишь предполагает изменение исследовательской парадигмы, состоящее в переходе от чистой рациональности к интуитивно-рациональному познанию. В соответствие с данной парадигмой интуиция исследователя должна стать основным методом установления истины, что в принципе не является новым в общественных науках, в том числе и в социологии. Значение ее подчеркивал еще П.Сорокин. Он писал, что «нельзя не изумиться недомыслию общественных наук и социологии. Отрицая интуицию, они оказались лишены одного из базовых источников познания и творчества ... В интересах самих же общественных наук ликвидировать упомянутый промах. Им пора начать использовать все три источника человеческого познания» [8].

Разделяя вывод классика социологической мысли, мы считаем не только возможным, но и необходимым распространить интуитивно-рациональный метод познания и на область социологии молодежи. В пользу такой необходимости выдвигаются как аргументы «от противного», так позитивно-конструктивные соображения. Главным «аргументом от противного» мы склонны считать специфику объекта исследования - молодежи, мировоззрение которой все чаще приобретает иррационально-интуитивный характер. Более того, имеются все основания считать данную тенденцию устойчивой, поскольку она в концентрированном виде отражает настроения постмодерна, носители которых пытаются описать и легитимировать хаос [1], ярко выраженная ориентация на интуицию в противовес рационализму и здравому смыслу. «Ситуация постмодерна» по сути своей «антинаучна». Включение в нее молодежи означает, что сама идея массового применения социологических исследований в ювенологии лишается смысла. Следовательно, представляется вполне обоснованным утверждение, что коррелирующаяся с постмодернистскими настроениями российская смута существенно затрудняет возможности применения классических рациональных методов познания в социологии.

Необходимость использования интуитивного метода познания в социологии обусловлена не только «аргументом от противного», но и представлением о том, какие позитивные результаты он дает, или, по меньшей мере, способен дать при изучении реалий бытия молодого поколения. Рассматривая их, укажем на несколько принципиально важных для социологических эмпирических измерений, следовательно, и для базирующихся на них теоретических обобщений, особенностей молодежной среды.

Во-первых, современное молодежное сознание недостаточно рефлексивно. Молодым людям в минимальной степени свойственно стремление критически оценить собственный жизненный опыт, процесс познания и самопознания. В то же время качественные и количественные (в меньшей степени) методы социологических исследований рассчитаны на саморефлексию объекта. Во-вторых, молодые люди все чаще оказываются недостаточно искренними, поскольку ориентируются не на собственные интересы, но на имидж, очень часто являющийся условием их признания в референтной среде. И, как следствие, в своем дискурсе молодежь склонна ориентироваться на основные параметры этого имиджа. В-третьих, значительная часть молодежи потеряла веру в наличие, действительно, искреннего интереса общества к своим проблемам. Она воспринимает себя безотносительно к происходящему в основных социальных институтах, рассматриваемых как некоторые символы. Поэтому социологические измерения нередко рассматриваются ею как очередные и бесполезные «игры взрослых».

Безусловно, существуют методы верификации социологических данных. Но наиболее эффективные способы их подтверждения или опровержения связаны с оценкой продолжительного опыта собственных встроенных наблюдений, которые пока редко используются отечественными исследователями. Следовательно, в данном случае интуиция приобретает ключевое значение при получении объективных данных и их интерпретации. Разумеется, установка на интуитивные решения не означает отказа от возможностей рационального анализа, на который, как уже отмечалось «замкнуты», практически все методики социологического исследования. Более того, злоупотребление интуитивным методом приведет к увеличению доли субъективизма и существенно дискредитирует социологическую науку. Применительно к социологии молодежи опасность субъективного подхода связана не столько искажением реального положения дел исследователем, имеющим собственную концепцию и – вольно или невольно – интерпретирующим материал с учетом предварительно сформулированных принципов.

В российских условиях дефицит объективности и ясного представления о существе проблемы стимулирует сервильность социологии. Подобная ориентация настолько типична для современной России, что рассматривается некоторыми исследователями как типичная черта профессиональной социологической деятельности [3. С. 13]. Сервильность особенно типична для социологов в регионах, где ограничен спрос на исследования, а органы государственной и – частично - муниципальной власти могут выступать как надежный заказчик, гарантирующий более или менее достойную оплату труда ученых. К тому же на региональном уровне сохраняются эффективно действующие рычаги косвенного влияния власти на исследователей,

использование которых позволяет обеспечить появление и публикацию комплементарного социологического материала.

Вывод о перспективности интуитивно-рациональной социологии молодежи в данном контексте вполне может быть интерпретирован как своеобразный карт-бланш для фальсификации социологических материалов. Именно поэтому мы подчеркиваем, что при осуществлении научных разработок не следует отказываться от традиционных количественных и качественных измерений, основанных на рациональной исследовательской парадигме. При всей ограниченности возможностей и потенциальной фальсифицируемости, эти методы способствуют объективизации процесса познания. Но в любом случае интуитивное познание предоставляет сегодня больше возможностей для анализа молодежной среды.

Список литературы

1. Вейз Дж. Э. Времена постмодерна // Режим доступа к изд.: <http://luthlib.narod.ru/articles/pmodern/pmod02.htm>. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.
2. Ильичев Г. Парадокс массового сознания // Режим доступа к изд.: <http://www.isvestia.ru/russia/article3002547>. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer
3. Константиновский Д.Л., Овсянников А.А., Покровский Н.Е. Совершенствование социологического образования. Аналитический доклад. – М.: Логос, 2005. – 84 с.
4. Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. В 2 кн. – М., 2003. – Кн. 2.
5. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
6. Региональная система профессионального развития государственных и муниципальных служащих Белгородской области. – Белгород: БИГМУ, 2005. – 117 с.
7. Сивирин Б.С. Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. – 2003. - № 4. – С. 3 - 12.
8. Сорокин П.А. Декларация независимости общественных наук // Режим доступа к изд.: <http://knowledge.isras.ru/si/si2-02sor.html>. - - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer
9. Тощенко Ж.Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. – 2004. - № 12. – С. 4 - 15.